

УДК 821.161.1:821.581

ББК 84 (2): 84(0)3

Ню Янь

Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант-стажер филологического факультета, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: niuyan63557@mail.ru

Полигенетическая природа поэтики К.Д. Бальмонта и культурные традиции древнего Китая

Аннотация. Рассматривается полигенетическая природа поэтики К.Д. Бальмонта на основе малоизученных источников, связанных с культурными традициями древнего Китая. С использованием принципов компаративистики, исторической поэтики, герменевтики и мифопоэтического метода исследуется «китайский» цикл, состоящий из пяти сонетов, включенных в сборник Бальмонта «Сонеты солнца, меда и луны. Песня миров» (1917 г.). Особое внимание уделяется анализу мифологических образов, мотивов и сюжетов стихотворений, выявлению их источников и раскрытию творческого замысла поэта. Отмечено влияние книги С.М. Георгиевского «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1892 г.) на восприятие Бальмонтом китайской мифологии и создание его сонетов. Утверждается, что источником данного цикла сонетов является китайский трактат «Хуайнань-цзы», относящийся к даосской философии. Отмечается, что обращение Бальмонта к «Хуайнань-цзы» свидетельствует о пристальном внимании поэта к даосизму, оказавшемуся одним из главных источников духовного поиска поэта. Рассматривается тема Вечной Женственности в цикле сонетов как точка соприкосновения культуры Серебряного века и древнекитайской культуры, и прежде всего учения В.С. Соловьева о Софии и философии Лао-цзы. Делаются выводы о том, что, во-первых, эти сонеты Бальмонта можно воспринимать не только как попытку стилизации древнекитайских мифов, как обычно считают исследователи, но и как явление, свидетельствующее о трансформации семантики мифа, который создается поэтом, и углублении его на основе мифологических традиций древнего Китая. Во-вторых, использование общих мотивов, распространенных в восточной и европейской мифологии, объединение китайской мифологии с европейской стихотворной формой свидетельствует о полигенетической природе поэтики Бальмонта и контаминации традиций.

Ключевые слова: поэзия К.Д. Бальмонта, полигенетичность, китайская мифология, контаминация традиций, философия Лао-цзы, даосизм, философия В.С. Соловьева

Niu Yan

Saint Petersburg State University, postgraduate trainee of the Department of Philology, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: niuyan63557@mail.ru

The polygenetic nature of K.D. Balmont's poetics and cultural traditions of ancient China

Abstract. The article discusses the polygenetic nature of K.D. Balmont's poetics on the basis of underinvestigated materials related to ancient Chinese cultural traditions by using the principles of comparative studies, historical poetics, hermeneutics and the mythopoetic method. The object of the analysis is the "Chinese" cycle, consisting of five sonnets included in Balmont's collection of poems "Sonnets of the Sun, Honey and Moon. Song of the Worlds" (1917). Special attention is paid to the analysis of the mythological

images, motives and plots in these poems, identifying their sources and revealing the poet's creative intention. It is taken into account that S.M. Georgievsky's book "Mythical beliefs and myths of the Chinese" (1892) had a significant influence on Balmont's perception of Chinese mythology and it is an important basis for the creation of these sonnets. It is claimed that the source of this cycle is the Chinese treatise "Huainan Tzu" (Philosophers from Huainan, no later than 139 BC), which is essentially a Taoist philosophical work. It is noted that Balmont's reference to "Huainan Tzu" testifies to his continuing attention to Taoism, which turned out to be one of the main sources of the poet's spiritual exploration. The theme of the Eternal Femininity in this cycle is considered as a point of contact between the Silver Age culture and ancient Chinese culture, primarily Solovyov's doctrine of Sophia and Lao Tzu's philosophy. It is concluded that, firstly, Balmont's sonnets can be perceived not only as an attempt to stylize ancient Chinese myths, as researchers often assume, but also as a phenomenon indicating the transformation of the semantics of the myth created by the poet and its deepening on the basis of mythological traditions of ancient China. Secondly, the use of common motifs in Eastern and European mythology and the combination of Chinese mythology with the European poetic form reflects the polygenetic nature of Balmont's poetics and the contamination of traditions.

Key words: K.D. Balmont's poetry, polygenetic nature, Chinese mythology, contamination of traditions, Lao Tzu's philosophy, Solovyov's philosophy

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.1.125-137

Тяготение к синтезу традиций мировой культуры является важной характеристикой русской литературы Серебряного века. По мнению исследователей, кризис европейского сознания на рубеже XIX–XX вв. и «попытки выхода из тупика сделали Европу чуткой собеседницей в диалоге с Востоком»¹. В этом контексте традиционная китайская культура и мифология стали важным источником религиозных и философских традиций в русской поэзии Серебряного века. Глубокий интерес к китайской культуре отражается в творчестве многих поэтов данной эпохи. Если, например, для Н.С. Гумилева с его «духовной ориентацией» на экзотику и «священный рай»², Китай – это страна необычной поэзии и культуры, то для К.Д. Бальмонта Китай – это, прежде всего, страна философии Дао, страна мифов, «солнечное царство»³ (по словам самого Бальмонта). По мнению К.М. Азадовского и Е.М. Дьяконовой, вся литературная деятельность Бальмонта отличается свойственным «старшим» русским символистам тяготением к мировой культуре в ее разнообразии и стремлением к освоению ее глубинных пластов⁴. Можно сказать, что философия и древняя китайская культура раскрываются во всей глубине своей первозданности в поэтическом восприятии поэта-символиста Бальмонта.

Обращение Бальмонта к китайской мифологии не было случайным, оно находится в русле общей тенденции Серебряного века к синтезу искусств. Как отмечает В.В. Бурдин, «возрождение мифа (и мифомышления) в русской литературе рубежа веков традиционно связывают с символизмом, подразумевая при этом его стремление к универсализму, синтетизму и поэтике символа-мифа» [4, с. 3].

¹ См.: Шахматова Е.В. Мифотворчество Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 322. С. 78 [1].

² См.: Раскина Е.Ю. Образы китайской культуры в творчестве Н.С. Гумилева // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4, т. 2. С. 93 [2].

³ См.: Азадовский К.М., Дьяконова Е.М. Бальмонт и Япония. М.: Наука, 1991. С. 33 [3].

⁴ Там же. С. 4.

А. Ханзен-Леве так объясняет появление мифологем в творчестве символистов: «Как романтическая, так и символистская мифопоэзия заменяет систему религиозности, институционализированной церковью и больше не удовлетворяющую врожденные религиозные потребности современного человека, и весь комплекс “веры” как волюнтаристского акта, реактивируя мифическо-мистическое и присущую ему суб- и анти-культуру» [5, с. 14]. Символ придает мифическому новый смысл, как пишет Ханзен-Леве, указывая, что «символ делает возможным мифическое как коллективную, бессознательную, архаично-природную “обратную связь” (religio) современного индивида» [5, с. 15].

Кроме склонности к мифотворчеству, синтезу искусств и диалогу культур Бальмонта отличает тяготение к мифам разных народов, что связано с его теургическими принципами творчества. М.М. Парочкина считает, что «идея “мифореконструкции”, заставившая Бальмонта обратиться к мотивам и образам мифологии и фольклора, вылилась у него в целый ряд произведений-стилизаций, что свидетельствует о преодолении поэтом декадентского мироощущения и своеобразном приобщении к глубинам народного сознания» [6, с. 20]. П.В. Куприяновский и Н.А. Молчанова отмечают, что сборник «Сонеты солнца, меда и луны» (1917 г.) явился «свидетельством выхода Бальмонта из кризиса, пережитого в 1909–1911 годах»⁵. Можно сказать, что мифотворчество для Бальмонта – это способ переосмысления опыта цивилизации и поиска нового идеала в первозданном мире. В этом процессе «возвращения к примитиву» он выступает как «критик цивилизации»⁶. Как отмечает Азадовский и Дьяконова, в 1905–1917 гг. «у Бальмонта обостряется неприятие современной “рассудочной” цивилизации западноевропейского образца и рожденного ею “аналитического” человека, лишленного, как казалось поэту, цельного, “органического” ощущения жизни» [3, с. 7]. Поэтому для поиска нетрадиционного образа человека Бальмонт обратился к «примитивным» народам далеких стран, которые еще сохранили «свежесть мироощущения», «невинность» и «чистоту», и в них Бальмонт видит идеал «живого» и «естественного» человека⁷. Как пишет и сам Бальмонт, «первичный человек – всегда Поэт»⁸.

Китайская тема была затронута в стихотворении Бальмонта «Великое Ничто» (1900 г.) из его книги стихов «Будем как Солнце» (1903 г.). Затем в опубликованном в 1908 году сборнике «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних» были опубликованы четырнадцать переводов из трактата «Дао дэ цзин» (VI–V вв. до н. э., эпоха Чжоу, период Чуньцю (Весны и Осени)) и четыре переложения китайских стихов – одна народная песня из «Ши цзина» и три стихотворения Ван Чан Лина, Ду Фу и Ли Бо⁹. В сборник Бальмонта «Сонеты солнца, меда и луны» (1917 г.) включен «китайский» цикл, состоящий из пяти сонетов, отсылающих

⁵ См.: Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 240 [7].

⁶ См.: Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003. С. 15.

⁷ См.: Азадовский К.М., Дьяконова Е.М. Бальмонт и Япония. С. 7.

⁸ См.: Бальмонт К.Д. Поэзия как волшебство. М.: Скорпион, 1915. С. 55 [8].

⁹ Существует мнение, что Бальмонт перевел китайские стихи с немецкого подстрочника. П.В. Пороль предположила, что Бальмонт был знаком не только с подстрочником, но и с оригиналом. См.: Пороль П.В. Рецептивная эстетика образа Китая в поэзии К. Бальмонта // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2019. № 1, т. 24. С. 17 [9].

к китайской мифологии. В настоящее время эти «китайские» сонеты все еще остаются малоизученными. Сонеты «Китайское Небо» и «Китайская греза» частично рассматривались в работах Е.А. Осьминой¹⁰ и П.В. Пороль¹¹. А другие три сонета «Лунная вода», «Ткань» и «Занавес» остаются малоизученными, в современном литературоведении отсутствует системный и комплексный анализ этих сонетов с точки зрения их полигенетической природы и мифологической традиции.

Задача нашего исследования – углубить представление о мифологических источниках указанных произведений в процессе комплексного мотивного и герменевтического анализа на основе компаративистики, исторической поэтики и мифопоэтического метода. С использованием идей исторической поэтики А.Н. Веселовского рассмотрим трансформацию мотивов и образов как явление культурного трансфера, формирование новых смыслов и семантики. По мнению Веселовского, мотив – это «простейшая повествовательная единица, образно ответившая на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения»¹². Он пишет: «При сходстве или единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» [13, с. 305]. В определении семантики мифопоэтического мотива мы также опираемся на исследования Ханзен-Леве¹³. Нас интересует герменевтика мотива, понимаемая в контексте древнекитайской традиции и истории китайской мифологии¹⁴.

Вл. Марков в книге «Комментарий к поэзии К.Д. Бальмонта» отметил, что часть стихов «китайского» цикла Бальмонта основана на влиянии книги С.М. Георгиевского «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1892 г.)¹⁵. В своей статье Е.А. Осьмина указала на китайские источники сонета «Китайское небо» («Хуайнань-цзы» и «Лунь-хэн») и стихотворения «Китайская греза» («Шу цзин»), но подробных пояснений по поводу этих источников она не дала. Кроме того, Е.А. Осьмина и П.В. Пороль отметили связь между сонетами Бальмонта с книгой С.М. Георгиевского «Мифические воззрения и мифы китайцев»¹⁶. Очевидно, что труды сиолога Георгиевского действительно оказали значительное влияние на восприятие Бальмонтом китайской мифоло-

¹⁰ Осьмина Е.А. «Китайские стихи» Бальмонта и Брюсова: заглавие и жанр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (777). 2017. С. 278–288 [10].

¹¹ Пороль П.В. Китайский миф в поэзии К. Бальмонта // Материалы V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2018. С. 45–54 [11]; Пороль П.В. Рецептивная эстетика образа Китая в поэзии К. Бальмонта. С. 16–26; Пороль П.В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 183 с. [12].

¹² См.: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 305 [13].

¹³ См.: Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика.

¹⁴ См. об этом: Юань Кэ. История китайской мифологии. Пекин: Пекинское объединенное издательство, 2015. 480 с. [14] (оригинал на китайском языке); Хуан Юэ. Мифологический нарратив и коллективная память: культурная интерпретация «Хуайнань-цзы». Гуанчжоу: Гуандунская ежедневная газета, 2010. 296 с. [15] (оригинал на китайском языке).

¹⁵ См.: Марков Вл. Комментарий к поэзии К.Д. Бальмонта: 1910–1917. Т. 2. Кельн; Вена: Böhlau, 1992. С. 245 [16].

¹⁶ См.: Осьмина Е.А. «Китайские стихи» Бальмонта и Брюсова: заглавие и жанр. С. 278–288; Пороль П.В. Рецептивная эстетика образа Китая в поэзии К. Бальмонта. С. 22.

гии и создание «китайских» сонетов. Этот факт подтверждает переписка Бальмонта с Е.К. Цветковской, относящаяся к 1915 году. Поэт писал: «Читаю “Мифы китайцев” – и прошу ... поискать у Вольфа или Суворина и того же С. Георгиевского книги “Первый период китайской истории” (3 р.) и “Принципы жизни Китая” (2 р. 50 к.)” <...> Осенью найду себе китайца и буду читать с ним Лао-Цзе» [цит. по: 3, с. 33].

Обратимся к «китайскому» циклу Бальмонта. В первом сонете «Лунная вода» эксплицируется древнее китайское предание, основой которого является сюжет, определяемый как «Фаньчжу берет росу от луны». В сонете Бальмонт создает сложный мифологический образ, связывая понятия колдовства, луны и росы. Отметим, что между сонетом «Лунная вода» и текстом Георгиевского существует тесная интертекстуальная связь. Георгиевский писал: «... роса считается даже водою луны, почему и может называться шан-чи-шуй, “водою высшего озера”. Лунную воду ... китайцы получают посредством металлического зеркала или раковины фан-чжу, обращая их к свету полной луны» [17, с. 37].

Следует отметить, что сюжет «Фаньчжу берет росу от луны» впервые встречается в китайском философском трактате династии Западной Хань – «Хуайнань-цзы» (философы из Хуайнани, не позднее 139 г. до н.э.), где говорится: «Под солнцем янсуй возжигает огонь, под луной фанчжу выделяет влагу» [18, с. 36]; «Янсуй добывает огонь от солнца, фанчжу – росу от луны» [18, с. 91]. Янсуй и фанчжу – это инструменты, подобные бронзовым зеркалам, использованные для добычи огня и воды. Существует также мнение, что фанчжу был сделан из больших раковин, оттого Бальмонт пишет: «Взяв бронзовое зеркало рукою, / И раковину взяв другой, Фан-Чжу» [19, с. 107]. Важно отметить, что это явление «добычи воды от луны с помощью Фанчжу» может объясняться теорией Инь-Ян, согласно которой солнце принадлежит «сущности Ян», а луна – «сущности Инь», вещи из однородного эфира взаимодействуют друг с другом¹⁷. Под понятием «Шан-Чи-Шуй» обычно понимается вода, взятая с поверхности растения и не касающаяся земли, а также «небесная вода» или «лучшая вода»¹⁸. Это понятие впервые было упомянуто в древнекитайской классике династии Хань «Ши цзи» (109–91 гг. до н.э.)¹⁹.

Второй сонет «Китайское небо» отсылает нас к древнекитайским космогоническим мифам: «Гунгун ударился о гору Бучжоу» и «Нюйва починила Небо»²⁰. Е.А. Осьминина указала, что «Китайское небо» – «это миф о “божественно-строительнице Нюй-гуа” или о “прародительнице Нюй-ва”»²¹. Сопоставляя «Китайское небо» с текстом Георгиевского, посвященным анализу китайской космологии²², заметим, что сонет отражает размышления сиолога. Вместе с тем в «Китайском небе» Бальмонт не только воспроизводит космологию древнего Китая, но и показывает твор-

¹⁷ См.: Померанцева Л.Е. Философы из Хуайнани // Хуайнань-цзы / пер. с кит. Л.Е. Померанцевой; сост. И.В. Ушаков. М.: Мысль, 2004. С. 109 [18].

¹⁸ См.: Китайский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: www.cihai123.com/c/9195.html (дата обращения: 05.06.2023) [20].

¹⁹ См.: Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): в 9 т. Т. 8 / пер. с кит. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца. М.: Восточная литература, 2002. С. 246 [21].

²⁰ См.: Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 652–662 [22].

²¹ См.: Осьминина Е.А. «Китайские стихи» Бальмонта и Брюсова: заглавие и жанр. С. 279.

²² См.: Георгиевский С.М. Мифические воззрения и мифы китайцев. С. 12–13.

ческую силу Нюйва как богини созидания. Интересно, что оба мифа «Нюйва починила Небо» и «Гунгун ударился о гору Бучжоу» были зафиксированы в «Хуайнань-цзы» в шестой и третьей главе, но они не были связаны друг с другом²³. Более того, в «Хуайнань-цзы» была воссоздана битва между Гунгуном и Чжуаньсюем за владычество, а не между Гунгуном и Нюйва (как и в других источниках китайской мифологии). Интересно, что в трактате «Луньхэн» (27–97 гг. н.э.) ханьский писатель Ван Чун впервые связал эти два мифа воедино, указывая их причинно-следственные связи²⁴. Очевидно, что как Георгиевский, так и Бальмонт придерживались этой традиции.

Важно отметить, что во всех трех последних сонетах Бальмонта («Ткань», «Китайская греза» и «Занавес») присутствуют женские образы. Китай в сонете «Ткань» изображается как «прекрасная», «живописная» страна «грезы». Фигурирующий в стихотворении образ «молодой китайки», умеющей ткать «узорчатый ковер», напоминает нам о ткачихе из китайской мифологии. В древнекитайской мифологии сохранилось множество легенд о небесных ткачихах, среди них самый известный источник – это легенда о «Нюлан и Чжинюй» («Пастухе и ткачихе») (период Хань до эпохи Южных и Северных династий). Согласно словарю китайской мифологии, «Чжинюй – богиня-покровительница ткачей. Чжинюй трудилась круглый год в небесном дворце и ткала из облаков небесную парчу»²⁵.

Отметим, что в творчестве символистов нередко встречается мотив ткачества (или плетения), часто связывающийся с идеями ткачества как создания мировой сети пространства и времени и прядения нитей жизни или судьбы. Ханзен-Леве отмечает: «Ткань, сплетенная как текст мира и жизни, у мифопэтов предстает в виде некоего орнамента или узора – в этом мотиве выявляется символистское понимание мира (мирового текста) как чего-то органически-природного, в противовес позднему понятию механически-искусственной структуры у футуристов и формалистов» [5, с. 89]. В сонете Бальмонта ткань предстает в виде сотканного молодой китайкой «узорчатого ковра», на котором соединяются образы «Земли и Неба». Необходимо отметить, что ткачество в древнегреческой мифологии воспринимается как символ космического творения, поэтому Создатель Вселенной часто ассоциируется с богиней-ткачихой²⁶. Ткачиха в сонете предстает как создательница китайского «цветочного рая», и ее можно воспринимать как вариацию мифологического образа богини созидания.

В сонете «Китайская греза» формируется «мотив чудесного зачатия». Бальмонт создает образ китайской мифической царицы Вэй-Као – обладательницы несравненной красоты. Согласно точке зрения Е.А. Осьминой, в этом стихотворении воспроизводится миф о рождении древнего мифического государя Юя²⁷, при этом П.В. Пороль предполагала, что сонет «Китайская греза» – это отражение мифа о рождении мифического императора Шуня²⁸. Следует отметить, что Георгиевский в своем труде также перечисляет древнекитайские легенды о «необыкновенных, чудесных зачатиях»:

²³ См.: Померанцева Л.Е. Философы из Хуайнани / Хуайнань-цзы. С. 51 и 113.

²⁴ См.: Ван Чун. Луньхэн. Хунань: Изд-во Юэлу, 2006. С. 12–13 [23] (оригинал на китайском языке).

²⁵ См.: Кукарина М.А. Словарь китайской мифологии. М.: Центрполиграф, 2011. С. 75 [24].

²⁶ См.: Тресиддер Джек. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. С. 163–164 [25].

²⁷ См.: Осьмина Е.А. «Китайские стихи» Бальмонта и Брюсова: заглавие и жанр. С. 281.

²⁸ См.: Пороль П.В. Китайский миф в поэзии К. Бальмонта. С. 47.

«Мать императора Фу-си зачала, когда наступила на след какого-то великана и когда была окружена радугой. <...> Мать императора Шао-хао зачала, когда видела во сне, что в нее спустилась радужная звезда» [17, с. 67.]. Заметим, что повествование синологов о зачатии частично перекликается со строками Бальмонта. Предположим, что прототипом Вэй-Као может быть мать Шаохао – прекрасная мифическая богиня Хуаньэ. В доказательство этого можно вспомнить миф о рождении Шаохао: согласно преданию, на берегу Западного моря Хуаньэ познакомилась и влюбилась в Цзиньси – Золотую звезду, который ярко светит по утрам в восточной части неба. Он спускался с неба и провел счастливое время с Хуаньэ. Впоследствии у Хуаньэ родился сын – Шаохао²⁹. Очевидно, что рождение мифического правителя Шаохао тесно связано со «звездой», так как его отец является именно «Золотой звездой».

Необходимо отметить, что «чудесное зачатие» как традиционный мифологический мотив существует не только в китайской мифологии, но и в мифах других народов мира. Полагаем, что в сонете «Китайская греза» Бальмонт частично позаимствовал сюжет из греческого мифа. Сюжет «зачатия от дождя» напоминает греческий миф о Данае³⁰. Поэтому строка Бальмонта «Душистая звездилася ложница» становится понятной: «ложница звездилася», вероятно, благодаря «золотому дождю», в который превратился Зевс. При этом сюжет «Даная зачала от “золотого дождя” и родила сына Персея» также перекликается со строками Бальмонта: «И зачала от этого дождя. / И, сына безболезненно рождая»³¹.

В последнем сонете «Занавес» возникают типичные предметные образы, связанные с древнекитайским свадебным обрядом, – китайский красный занавес и зеркало. «Китайский красный занавес» напоминает красное свадебное покрывало китайской невесты, которое по-китайски называется хунгайтоу. Отметим, что красный цвет, наделенный многими символическими значениями (счастье, радость, благополучие, успех и др.), в китайской культуре является незаменимым элементом на традиционных и современных китайских свадьбах. В древнем Китае в день свадьбы невесте обычно покрывают голову красной тканью, служащей как прикрытием стыдливой девственности, так и для защиты от злых сил. Кроме того, невестам также предписывается носить с собой зеркальца, которые, как считается, обладают магической силой отгонять злых духов. Заметим, что в «Занавесе» эти образы приобретают мифическую окраску.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что первоисточником для сонетов «Лунная вода», «Китайское небо» и «Китайская греза» стала книга Георгиевского «Мифические воззрения и мифы китайцев», главным источником которой является трактат династии Западной Хань «Хуайнань-цзы». При этом обращение Бальмонта к «Хуайнань-цзы» не было случайным. Основываясь на достижениях доциньских даосских учений, эта книга сочетает в себе квинтэссенцию учений «Ста школ» (различных философских школ доциньского периода древнего Китая), однако в сущности «Хуайнань-цзы» относится к даосской философии. Известный китайский мыслитель и философ XX века Ху Ши пишет: «Даосизм – это великое достижение древнекитайской

²⁹ См.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит.; послесл. Б.Л. Рифтина. М.: Наука, 1987. С. 64–65 [26].

³⁰ Миф о Данае: «Акрисий заключил дочь (Данаю) в подземный медный терем и стерёг ее. Однако Зевс проник в терем золотым дождем, и Д. родила сына Персея» [27, с. 172].

³¹ См.: Бальмонт К.Д. Сонеты Солнца, меда и луны. Песня миров. С. 110.

мысли, а книга “Хуайнань” – великое достижение даосизма» [28, с. 11]. Поэтому обращение Бальмонта к мифическим образам и сюжетам «Хуайнань-цзы» свидетельствует о его пристальном внимании к даосизму, оказавшемуся одним из главных источников духовного поиска поэта в области философии древнего Китая. Конечная цель даосской философии заключается в достижении превосходства над реальной жизнью посредством постижения природы и возвращения к ней. Историк китайской литературы Юань Синпэй отмечает, что даосы рассматривают «пу» (буквально «простота») как высшую степень естественной предрасположенности, только через «пу» можно приблизиться к сущности «Дао» – «небытию», «недеянию» и интегрировать короткую индивидуальную жизнь в бесконечную вселенную и природу³². Выраженное в даосской философии стремление к «природе» и «естественности», тяготение к «душевной простоте» и отказ от постороннего вмешательства очень близки мировосприятию Бальмонта и в какой-то степени совпадают с его интересом к народам, «сохранившим следы “первозданности”, не замутненные позднейшими культурными наслоениями»³³.

В «китайских» сонетах Бальмонт уделяет большое внимание образам мифических женщин. Во всех четырех последних сонетах фигурирует образ женщины: «Ньюй-Гуа», «Китайка молодая», «Вэй-Као», «Та нежная». А первый сонет, озаглавленный как «Лунная вода», также тесно связан с Инь (женским началом), так как в древнекитайской традиции Луна олицетворяет женскую силу, Мать-Богиню. Более того, в контексте культуры Серебряного века Луна часто воспринимается как «воплощение женского божества»³⁴. Необходимо отметить, что интерес Бальмонта к мифологическим женским образам в «китайских» сонетах также совпадает с сущностью философии Лао-цзы, которая выступает как смысловая доминанта в большинстве «китайских текстов» поэта. Пристальный интерес Бальмонта к даосской философии особенно ярко отражается в стихотворении «Великое Ничто» (1900 г.) и в переводе четырнадцати глав из «Дао-Дэ цзин». Можно утверждать, что философия Лао-цзы в какой-то степени и сама основывается на культе женского начала, в связи с чем даосская философия обладает очевидной «женственной природой». Известный китайский историк-философ, религиовед Моу Чжунцзянь отмечает: «Философия Лао-цзы родилась из религиозного поклонения матрилинейного клана, особенно – поклонения деторождению. Так называемое “Дао” изначально было основано на познании женской репродуктивной силы, а затем расширило эту женскую репродуктивную функцию для наблюдения за процессом создания всей вселенной, сформировав, таким образом, концепцию “Дао”» [30, с. 152]. Отметим, что во всей идеологической системе Лао-цзы присутствует архетип Великой Богини-матери, который иногда выражается как «корень неба и земли», «мать всего сущего», а иногда как «Дао» и метафора производящей силы³⁵. Существующий в философии Лао-цзы культ женского начала также воплощается в фундаментальном трактате даосизма «Дао-Дэ цзин»: «Всевместительный дух не умирает; /

³² См.: Юань Синпэй. История китайской литературы: в 4 т. Т. 1. Пекин: Высшее образование, 2014. С. 32–33 [29] (оригинал на китайском языке).

³³ См.: Азадовский К.М., Дьяконова Е.М. Бальмонт и Япония. С. 15.

³⁴ См.: Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. С. 139.

³⁵ См.: У Цюхун. «Дао» и поклонение женской репродуктивной функции: краткое обсуждение философских и эстетических источников «Дао» Лао-цзы // Вестник Гуансийского института образования. 2007. № 3. С. 84 [31] (оригинал на китайском языке)

Сие зовется Сокровенной Прародительницей. / Врата Сокровенной Прародительницы / Назову корнем Неба и Земли»³⁶. Следует отметить, что женские образы в «китайских» сонетах Бальмонта демонстрируют магические силы женщин, в том числе «производительную силу» («И, сына безболезненно рождая, / Она и в нём была звездой Китая»³⁷), «восстанавливающую силу» («И из камней Царица (Нюй-Гуа) пятицветных, / Ряд сделала заплат, в ночи заметных»³⁸) и «творческую силу» («Склонившись, китайка молодая / Любовно ткёт узорчатый ковер»³⁹). Можно сказать, что бальмонтовское восприятие китайских мифических женских образов как символов могущественных сил отождествляется со взглядами Лао-цзы на женское начало.

Более того, создание этих женских образов можно рассматривать как отклик Бальмонта на учение о Вечной Женственности Серебряного века и прежде всего на учение В.С. Соловьёва о Софии. Как отмечает О.В. Рябов, «одной из особенностей философии Серебряного века является ее устойчивый интерес к осмыслению онтологического аспекта женственности. <...> Учение о Вечной Женственности, основа соловьевской теории любви, оказало большое влияние на многих творцов духовной атмосферы Серебряного века» [33, с. 39 и 58]. Следует отметить, что философия Соловьёва оказала существенное влияние на поэтику символистов. По убеждению П.П. Гайденко, поэты-символисты видели в Соловьёве «своего духовного предтечу: “София” В. Соловьёва, вобравшая в себя и шеллингову мировую душу, и “божественную подругу” Данте, и “вечную женственность” Гете, давала символистам своего рода “мифологический код”»⁴⁰. С.Д. Титаренко отмечает, что сформировавшийся в лирике Соловьёва «личный мифопоэтический и житнетворческий миф о Вечно Женственном начале» стал универсальным для символистской культуры⁴¹, у Соловьёва этот миф «проецируется на лики Вечной Женственности, отсылающие не только к гностическим представлениям о Софии, с которыми исследователи связывают его истоки, но и к другим образам, взятым из литературных источников, различных мифологий и религий мира»⁴². По мнению А.В. Гунченко, Соловьёв неоднозначно определяет и характеризует Софию, и в его разных работах он по-разному понимает ее⁴³, но его определение Софии как «женского начала, или главы всякого существования»⁴⁴, неожиданно перекликается с философией Лао-цзы, в которой «Дао» понимается как «мать всего сущего». Надо отметить, что соловьевский поэтический миф о Вечной Женственности является важным источником мифопоэтики Бальмонта и полигенетической природы его творчества.

³⁶ См.: Лао-цзы. Дао-Дэ цзин. Книга о Пути жизни / пер. с кит. В.В. Малявина. М.: Изд-во АСТ, 2019. С. 33 [32].

³⁷ См.: Бальмонт К.Д. Сонеты Солнца, мёда и луны. Песня миров. С. 111.

³⁸ См.: Бальмонт К.Д. Сонеты Солнца, мёда и луны. Песня миров. С. 108.

³⁹ Там же. С. 109.

⁴⁰ См.: Гайденко П.П. Соблазн «святой плоти» (Сергей Соловьёв и русский серебряный век) // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 83 [34].

⁴¹ См.: Титаренко С.Д. Житнетворческий миф о Вечной Женственности в поэзии и философии В. Соловьёва // Серебряный век русской литературы: сб. статей. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 34 [35].

⁴² Там же.

⁴³ См.: Гунченко А.В. Софиология В.С. Соловьёва и учение о Софии в Священном Писании // Соловьёвские исследования. 2006. Вып. 2(13). С. 121 [36].

⁴⁴ См.: Соловьёв В.С. Россия и вселенская Церковь. Минск: Харвест, 1999. С. 453 [37].

По убеждению М.В. Максимова, Бальмонт видел «в Соловьеве своего учителя»⁴⁵. Очевидно, что в «китайских» сонетах Бальмонта можно видеть воплощение соловьевского учения о Вечной Женственности – это образы Царицы Нюй-Гуа и Вэй-Као.

Таким образом, «китайские» сонеты К.Д. Бальмонта можно воспринимать не только как попытку стилизации древнекитайских мифов с использованием мифологических образов, мотивов и сюжетов, но и как явление, свидетельствующее о трансформации семантики мифа и углублении его на основе архаических традиций древнего Китая. Эксплицируемый в этих «китайских» сонетах культ богини-женщины перекликается не только с отражением философии Лао-цзы, основывающейся на культе женского начала, но и с религиозно-философской идеей Вечной Женственности В.С. Соловьева, которая получила большой резонанс в культурном пространстве Серебряного века. Кроме того, в «китайских» сонетах прослеживается тенденция к формированию поликультурной природы мифопоэтики Бальмонта. Используя мифологемы Востока и Запада, объединяя китайскую мифологию с европейской стихотворной формой, Бальмонт пытается найти новый способ синтеза культур разных народов мира.

Список литературы

1. Шахматова Е.В. Мифотворчество Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 322. С. 78–85.
2. Раскина Е.Ю. Образы китайской культуры в творчестве Н.С. Гумилева // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4, т. 2. С. 93–97.
3. Азадовский К.М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. М.: Наука, 1991. 190 с.
4. Бурдин В.В. Мифологическое начало в поэзии К.Д. Бальмонта 1890–1900-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998. 185 с.
5. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
6. Парочкина М.М. Мифопоэтические и фольклорные корни поэзии К. Бальмонта // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2016. № 28(249), вып. 32. С. 20–27.
7. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 1991. 347 с.
8. Бальмонт К.Д. Поэзия как волшебство. М.: Скорпион, 1915. 93 с.
9. Пороль П.В. Рецептивная эстетика образа Китая в поэзии К. Бальмонта // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2019. № 1, т. 24. С. 16–26.
10. Осьминина Е.А. «Китайские стихи» Бальмонта и Брюсова: заглавие и жанр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6(777). С. 278–288.
11. Пороль П.В. Китайский миф в поэзии К. Бальмонта // Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2018. С. 45–54.
12. Пороль П.В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 183 с.
13. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 406 с.
14. Юань Кэ. История китайской мифологии. Пекин: Пекинское объединенное издательство, 2015. 480 с. (оригинал на кит.)
15. Хуан Юэ. Мифологический нарратив и коллективная память: культурная интерпретация «Хуайнань-цзы». Гуанчжоу: Гуандунская ежедневная газета, 2010. 296 с. (оригинал на китайском языке)

⁴⁵ См.: Максимов М.В. Философско-поэтический лик Серебряного века: Константин Бальмонт и Владимир Соловьев // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 70 [38].

16. Марков Вл. Комментарий к поэзии К.Д. Бальмонта: 1910–1917. Т. 2. Кельн; Вена: Böhlau, 1992. 334 с.
17. Георгиевский С.М. Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1892. 150 с.
18. Померанцева Л.Е. Философы из Хуайнани // Хуайнань-цзы / пер. с кит. Л.Е. Померанцевой; сост. И.В. Ушаков. М.: Мысль, 2004. 430 с.
19. Бальмонт К.Д. Сонеты Солнца, меда и луны. Песня миров. Берлин: С. Ефрон, 1921. 280 с.
20. Китайский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: www.cihai123.com/c/9195.html (дата обращения: 20.06.2023).
21. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): в 9 т. Т. 8 / пер. с кит. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца. М.: Восточная литература, 2002. 510 с.
22. Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 652–662.
23. Ван Чун. Луньхэн. Хунань: Изд-во Юэлу, 2006. 380 с. (оригинал на китайском языке)
24. Кукарина М.А. Словарь китайской мифологии. М.: Центрполиграф, 2011. 224 с.
25. Тресиддер Джек. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. 443 с.
26. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит.; послесл. Б.Л. Рифтина. М.: Наука, 1987. 527 с.
27. Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 707 с.
28. Ху Ши. Хуайнань Ван Шу. Хунань: Юэлу шушэ, 2011. 88 с. (оригинал на китайском языке)
29. Юань Синпэй. История китайской литературы: в 4 т. Т. 1. Пекин: Высшее образование, 2014. 280 с. (оригинал на китайском языке)
30. Моу Чжунцзян. Даоцзяо тунлунь: цзянь даоцзя сюэшо (Общая теория даосизма: и даосская доктрина). Цзинань: Цилу шушэ, 1993. 773 с. (оригинал на китайском языке)
31. У Цюхун. «Дао» и поклонение женскому деторождению: краткое обсуждение философских и эстетических источников «Дао» Лао-цзы // Вестник Гуансийского института образования. 2007. № 3. С. 82–85. (оригинал на китайском языке)
32. Лао-цзы. Дао-Дэ цзин. Книга о Пути жизни / пер. с кит. В.В. Малявина. М.: Изд-во АСТ, 2019. 256 с.
33. Рябов О.В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново: Ивановский государственный университет, 1997. 157 с.
34. Гайденок П.П. Соблазн «святой плоти» (Сергей Соловьев и русский серебряный век) // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 72–127.
35. Титаренко С.Д. Жизнетворческий миф о Вечной Женственности в поэзии и философии В. Соловьёва // Серебряный век русской литературы: сб. статей. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 33–54.
36. Гунченко А.В. Софиология В.С. Соловьёва и учение о Софии в Священном Писании // Соловьёвские исследования. 2006. Вып. 2(13). С. 119–132.
37. Соловьёв В.С. Россия и вселенская Церковь. Минск: Харвест, 1999. 1600 с.
38. Максимов М.В. Философско-поэтический лик Серебряного века: Константин Бальмонт и Владимир Соловьёв // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 69–74.

References

(Sources)

Collected Works

1. Syma, Tsyang'. *Istoricheskie zapiski (Shi tszi): v 9 t., t. 8* [The Records of the Grand Historian (Shi ji): in 9 vols., vol. 8]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. 510 p.

Individual Works

2. Bal'mont, K.D. *Poeziya kak volshebstvo* [Poetry as magic]. Moscow: Skorpion, 1915. 93 p.
3. Bal'mont, K.D. *Sonety Solntsa, meda i lunny. Pesnya mirov* [Sonnets of the Sun, Honey and Moon. Song of the Worlds]. Berlin: S. Efron, 1921. 280 p.

4. Lao, Tzu. *Dao-De tszin. Kniga o Puti zhizni* [Tao Te Ching. A book about the Way of Life]. Moscow: Izdatel'stvo ACT, 2019. 256 p.
5. Solov'ev, V.S. *Rossiya i vselenskaya Tserkov'* [Russia and the Universal Church.]. Minsk: Kharvest, 1999. 1600 p.
6. Van, Chun. *Lun'khen* [Lun Heng]. Hunan: Yuelu shushe, 2006. 380 p.

(Articles from Scientific Journals)

7. Gaydenko, P.P. Soblazn «svyatoy ploti» (Sergey Solov'ev i russkiy serebryanny vek) [The temptation of “holy flesh” (Sergei Solovyov and the Russian Silver Age)], in *Voprosy literatury*, 1996, no. 4, pp. 72–127.
8. Gunchenko, A.V. Sofiologiya V.S. Solov'eva i uchenie o Sofii v Svyashchennom Pisanii [V. S. Solovyov's Sophiology and the doctrine of Sophia in Holy Scripture], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2006, issue 2(13), pp. 119–132.
9. Maksimov, M.V. Filosofsko-poeticheskiy lik Serebryanogo veka: Konstantin Bal'mont i Vladimir Solov'ev [The philosophical and poetic face of the Silver Age: Konstantin Balmont and Vladimir Solovyov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2013, issue 1(37), pp. 69–74.
10. Os'minina, E.A. «Kitayskie stikhi» Bal'monta i Bryusova: zaglavie i zhanr [“Chinese poems” by Balmont and Bryusov: title and genre], in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2017, issue 6 (777), pp. 278–288.
11. Parochkina, M.M. Mifopoeticheskie i fol'klornye korni poezii K. Bal'monta [Mythopoetic and folklore roots of K. Balmont's poetry], in *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*, 2016, no. 28(249), issue 32, pp. 20–27.
12. Porol', P.V. Retseptivnaya estetika obraza Kitaya v poezii K. Bal'monta [Receptive aesthetics of the image of China in the poetry of K. Balmon], in *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*, 2019, no. 1, vol. 24, pp. 16–26.
13. Raskina, E.Yu. Obrazy kitayskoy kul'tury v tvorchestve N.S. Gumileva [Images of Chinese culture in the works of N.S. Gumilev], in *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4, vol. 2, pp. 93–97.
14. Shakhmatova, E.V. Mifotvorchestvo Serebryanogo veka [Myth-making of the Silver Age], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 322, pp. 78–85.
15. U Tsyukhun. «Dao» i poklonenie zhenskomu detorozhdeniyu: kratkoe obsuzhdenie filosofskikh i esteticheskikh istochnikov «Dao» Lao-tszy [“Tao” and the worship of female procreation: a brief discussion of the philosophical and aesthetic sources of Lao Tzu's “Tao”], in *Vestnik Guansiykogo instituta obrazovaniya*, 2007, no. 3, pp. 82–85.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Porol', P.V. Kitayskiy mif v poezii K. Bal'monta [Chinese myth in the poetry of K. Balmont], in *Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Materials of the V International Scientific Practical Conference]. Penza, 2018, pp. 45–54.
17. Riftin, B.L. Kitayskaya mifologiya [Chinese mythology], in *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t., t. 1. A–K* [Myths of the world. Encyclopedia: in 2 vols., vol. 1. A–K]. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, 1994, pp. 652–662.
18. Titarenko, S.D. Zhiznetvorcheskiy mif o Vечноy Zhenstvennosti v poezii i filosofii V. Solov'eva [The Life-creating myth of Eternal femininity in V. Solovyov's Poetry and philosophy], in *Sbornik statey «Serebryanny vek russkoy literatury»* [Collection of articles “The Silver Age of Russian Literature”]. Saint-Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009, pp. 33–54.

(Monographs)

19. Azadovskiy, K.M., D'yakonova, E.M. *Bal'mont i Yaponiya* [Balmont and Japan]. Moscow: Nauka, 1991. 190 p.

20. Georgievskiy, S.M. *Mificheskie vozzreniya i mify kitaytsev* [Mythical views and myths of the Chinese]. Saint-Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1892. 150 p.
21. Khanzen-Leve, A. *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian symbolism. A system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism. Cosmic symbolism]. Saint-Petersburg: Akademicheskiiy proekt, 2003. 816 p.
22. Khu, Shi. *Khuaynan' Van Shu* [Huainan Wang Shu]. Hunan: Yuelu shushe, 2011. 88 p.
23. Khuan, Yue. *Mifologicheskiiy narrativ i kollektivnaya pamyat': Kul'turnaya interpretatsiya «Khuaynan'tszy»* [Mythological narrative and collective memory: The Cultural interpretation of “Huainan Tzu”]. Guanchzhou: Guandunskaya ezhednevnyaya gazeta, 2010. 296 p.
24. Kukarina, M.A. *Slovar' kitayskoy mifologii* [Dictionary of Chinese mythology]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2011. 224 p.
25. Kupriyanovskiy, P.V., Molchanova, N.A. *Bal'mont* [Balmont]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991. 347 p.
26. Markov, Vl. *Kommentariy k poezii K.D. Bal'monta: 1910–1917. T. 2* [Commentary on the poetry of K.D. Balmont: 1910–1917. Vol. 2]. Cologne, Vienna: Bölaui, 1992. 334 p.
27. Meletinskiy, E.M. *Mifologicheskiiy slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 707 p.
28. Mou, Chzhuntszyan. *Daotszyao tunlun': tszyan' daotszya syuesho (Obshchaya teoriya daosizma: i daoskaya doktrina)* [Daojiao tonglun: Jian daojia xuesho (General Theory of Taoism: and Taoist Doctrine)]. Jinan: Tsilu shushe, 1993. 773 p.
29. Pomerantseva, L.E. *Filosofy iz Khuaynani* [Philosophers from Huainan], in *Khuaynan'tszy* [Huainan Tzu]. Moscow: Mysl', 2004. 430 p.
30. Ryabov, O.V. *Zhenshchina i zhenstvennost' v filosofii Serebryanogo veka* [Woman and femininity in the philosophy of the Silver Age]. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 1997. 157 p.
31. Tresidder, Dzhek. *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: Grand: FAIR-Press, 1999. 443 p.
32. Veselovskiy, A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 406 p.
33. Yuan', Ke. *Istoriya kitayskoy mifologii* [History of Chinese Mythology]. Beijing: Pekinskoe ob"edinennoe izdatel'stvo, 2015. 480 p.
34. Yuan', Ke. *Mify drevnego Kitaya* [Myths of ancient China]. Moscow: Nauka, 1987. 527 p.
35. Yuan', Sinpey. *Istoriya kitayskoy literatury: v 4 t., t. 1* [The History of Chinese Literature: in 4 vols., vol. 1]. Beijing: Vysshee obrazovanie, 2014. 280 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

36. Burdin, V.V. *Mifologicheskoe nachalo v poezii K.D. Bal'monta 1890-kh-1900-kh godov*. Diss. ... kand. filol. nauk [Mythological origin in the poetry of K.D. Balmont of the 1890s–1900s. Cand. philol. sci. diss.]. Ivanovo, 1998. 185 p.
37. Porol', P.V. *Kitay v retseptsii poetov Serebryanogo veka (poetika i estetika)*. Diss. ... kand. filol. nauk [China in the reception of poets of the Silver Age (poetics and aesthetics). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2020. 183 p.

(Electronic Resources)

38. *Kitayskiy entsiklopedicheskiiy slovar'* [Chinese Encyclopedic Dictionary]. Available at: www.cihai123.com/c/9195.html (accessed 20.06.2023).